

8. *Stöckle A.* Spätromische und byzantinische Zünfte. — Leipzig, 1911.
9. *Meyer E.* Compte-rendu // Byzantinische Zeitschrift. — 1912. — Bd. 21 (*Stöckle A.* Spätromische und byzantinische Zünfte. — Leipzig, 1911).
10. *Mickwitz G.* Die Organisation zweier byzantinischen Gewerbe im X. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 36.
11. *Lopez R.* Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. — Vol. 20. — № 1.
12. *Das Eparchenbuch* Leons des Weisen / Einführung, Edition, Übersetzung und Indices v. J. Koder. — Wien, 1991.
13. *Сороочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998.
14. *Сороочан С. Б.* К вопросу о посреднической торговле в Византии VII–IX вв. // Вестник Харьковского государственного университета. — 1994. — № 385. — История. — Вып. 28.
15. *Maniatis G. C.* Organization, Market Structure, and Modus Operandi of the Private Silk Industry in the Tenth-Century Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. — 1999. — Vol. 53.

Резюме

У статті робиться спроба розібратися в різних точках зору дослідників на такий важливий предмет візантійської торгівлі як метакса. Очевидно, римляни розуміли під цим терміном і шовкове прядиво-напівфабрикат, і цілком готові до вжитку шовкові нитки. Аналіз технологічного процесу в шовковому виробництві дозволяє думати, що візантійські катартарії одержували шовкову пряжу у вигляді ниток-напівфабрикатів у вже готовому вигляді й їхні задачі полягали лише в очищенні та підготовці такої метакси до фарбування.

Питання про спеціалізацію і професійні відмінності виробників і продавців метакси, на думку автора, зводиться до реконструкції такого торговельно-ремісничого посередницького ланцюжка: закупівля привізної неочищеної метакси-пряжі товариством метаксопратів і «не простих», «привілейованих» катартаріїв; продаж неочищеної пряжі метаксопратами «простим» (eutelesteroi) катартаріям і метаксаріям-індивідуалам; продаж катартаріями і метаксаріями очищених шовкових ниток метаксопратам з їх наступним перепродажем сірікаріям. Таким чином, увесь ланцюжок був замкнений на метаксопратах і, в той же час, достатньо глибоко спеціалізований у кожній зі своїх ланок.

Summary

In the article is made the attempt to understand different points of view on such important subject of byzantine trade as metaxa. Obviously, romains understood this term simultaneously silk yarn-semifinished item and completely ready for the use silk strings. The analysis of technological process in silk production allows to believe, that byzantine katartaries received a silk

yarn as available of strings-semifinished items and their problem consist only in clearing and preparation such of metaxa to colouring.

The question on specialization both professional differences of the manufacturers and sellers of metaxa is reduced to construction of the following trade and craft, intermediary chain: purchase crude of metaxa-yarn by company of metaxopratos and “not simple”, “privileged” of katartaries; sale of the crude yarn metaxopratos to the “simple” (eutelesteroi) katartaries and metaxaries; sale the katartaries and metaxaries of the cleared silk strings to metaxoprates with their subsequent resale to the sirikaries. Thus, the whole chain was closed on metaxoprates and simultaneously is enough deeply specialized in each of the parts.

К. Ю. Бардола

О НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКЕ АРАБОВ В VII–VIII ВВ. В ЗАВОЕВАННЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

Необычайная по своей стремительности и интенсивности экспансия арабов привела к тому, что в течение 20 лет их племена завоевали обширные территории государства Сасанидов и Византийской империи, а новая религия — ислам — распространилась от берегов Окса до побережья Великого Сирта. Под ударами арабов ослабленная войной с Византией персидская империя шаханшахов в середине VII в. прекратила свое существование. В свою очередь, Византия с 637 по 653 гг. уступила новым завоевателям Сирию, Иерусалим, Антиохию, Месопатамию, Египет и всю Северную Африку, Армению. В следующую четверть VII в. арабы проникли до Халкидона и осадили Константинополь.

Причины столь быстрого арабского наступления подробно рассматривались различными исследователями и не вызывают острых дискуссий. Практически все исследователи отмечали, что ситуация, которая сложилась в Византийской империи накануне арабского нашествия, характеризовалась внутренними неурядицами, постоянными военными конфликтами и религиозными спорами в отдельных провинциях империи, что не способствовало решительному отпору новым завоевателям [1, с. 211; 2, с. 530; 3, с. 48; 4, с. 25; 5, с. 54]. В этой статье хотелось бы более подробно остановиться на экономических факторах столь быстрого продвижения арабов и затронуть такую важную тему, как характер и степень влияния византийских экономических принципов на политику, проводимую арабами на захваченных территориях.

Значительное влияние, которое оказывала Византия на политическую, экономическую и культурную жизнь своих соседей, единодушно признается историческими источниками как латинского запада, так и ирано-арабского Востока. Сирийские и армянские историки и географы, их коллеги из сасанидской Персии и арабского халифата, несмотря на

позитивность или негативность их оценок, признавали значительный авторитет Византийской империи во всех государственных делах. В свою очередь, это послужило причиной единодушного признания в отечественной и зарубежной историографии важной роли Византии, которую она играла в формировании политической [6], социальной [7], военной [8; 5] структуры арабского халифата. Что касается экономической области, большинство исследователей соглашались с мнением Н. В. Пигулевской, что арабы восприняли сасанидскую налоговую систему, принятую Кавадом I и Хосроем I в середине VI в., принципы которой, в свою очередь, были позаимствованы из позднеримской податной системы, унифицированной при Диоклетиане [9, с. 8; 10, с. 165; 11, с. 150; 12, с. 142; 3, с. 59]. Исследовательница Э. Анотониади-Бибику и один из наиболее серьезных исследователей истории халифата О. Г. Большаков предполагают, что до начала VIII в. арабы абсолютно ничего не меняли на захваченных землях и проводили политику, основанную на так называемом «принципе взаимности», т. е. копирования экономических норм Византии [14, р. 98; 12, с. 143]. Следовательно, если арабы ничего не меняли в налоговой структуре завоеванных земель, причина довольно благосклонного приема новых завоевателей-иноверцев в византийских провинциях кроется в недовольстве административной, социальной и религиозной политикой византийского правительства. Лишь немногие исследователи, к тому же вскользь, отмечали роль мягкой экономической политики арабов на завоеванных землях [2, с. 530; 15, с. 25]. Попытаемся уточнить особенности налоговой политики арабов на аннексируемых ими землях и определить степень византийского влияния на эту политику.

Следует сразу отметить, что действия арабов в процессе захвата новых земель не носили хаотичного характера. Источники довольно ясно свидетельствуют о наличии у арабов четко определенной политики по отношению к населению захваченных земель. Перед захватом какой-либо территории арабы предлагали три возможных варианта поведения населению, которое там проживало. «Между вами и мной может быть только одно из трех: или вы примите ислам, станете нашими братьями, и у вас будет, как у нас; или вы придёте и будете платить джизью «своей рукой, будучи униженными»; или мы будем бороться с вами стойкостью [в осаде] и битвами...» — такие варианты предложил в 641 г. военачальник арабских отрядов в Египте Амр б. ал-Ас византийскому наместнику этой провинции Киру Александрийскому [16, с. 85]. Такая форма и суть дипломатических предложений были характерны для внешней политики арабов практически во всех случаях аннексии новых территорий вплоть до конца VII в. [10, с. 157]. Из этих трех вариантов население византийских провинций в большинстве случаев выбирало второй, что свидетельствовало, что выплата джизьи и переход под арабский патронат устраивал его больше, нежели принятие ислама или попытки с оружием в руках отстоять право византийского владычества.

Не ставя перед собой цели определить этимологию термина «джизья», отметим только, что, по общепринятому мнению исследователей, джизья представляла собой подушную подать [10, с. 165; 12, с. 143; 17, с. 37]. Условия выплаты джизьи при переходе под патронат арабов оговаривались отдельно, но предполагалось, что всячески будут учитываться пожелания покоренного населения. Так, например, арабские послы предлагали Киру Александрийскому: «Если же вы согласитесь только на джизью «своей рукой, будучи униженными, мы сговоримся с вами на том, что **удовлетворит и нас и вас** (выделено мною — К. Б.), на каждый год и на вечные времена...» [16, с. 89].

Необходимо отметить, что в договорах с представителями захваченных земель арабы постоянно подчеркивали право населения этих земель участвовать в определении суммы обложения. Так, халиф Усман ибн Аффан (644–656) предлагал армянской знати в 652 году: «Таков будет мирный договор между мною и вами, на сколько лет вам будет угодно: три года с вас не возьму дани; а после этого срока **платите, сколько пожелаете** (выделено мною — К. Б.); в этом даю вам клятву» [18, с. 116]. Такой же принцип был применён в дипломатических предложениях основателя династии Омейядов Муавийи I ибн Суфйана (661–680) византийскому императору Константину IV (668–685). Себеос так описывает эти предложения: «А я сделаю тебя великим правителем этих стран, пошлю в твой город следователей и сосчитаю твою казну, прикажу разделить все на четыре части, три части мне, одна тебе. Дам тебе войска, сколько пожелаешь, и возьму с тебя **дани столько, сколько можешь**» (выделено мною — К. Б.) [18, с. 122].

Можно отметить, что мирные предложения арабских правителей VII в. в области налогообложения независимо от их адресата были похожи и предполагали участие местных властей в установлении налоговых обязательств. Был ли это дипломатический трюк, при помощи которого халифат пытался привлечь на свою сторону население захваченных земель, можно определить, рассмотрев реальные цифры взимаемых налогов. В Египте налог с местного населения арабам в первые годы их присутствия представлял собой подушную подать в 2 динара (= 2 номисмы) со всех мужчин, кроме стариков, детей и женщин [16, с. 91]. На жителей Армении арабы возложили подымный налог, «взыскав с каждого дома по четыре драхмы и три мота хорбала, то есть пшеницы, по одной переметной суме, по одной шерстяной веревке и по одному светильнику. А со священников, с азатов и со всадников он не велел брать податей» [19, с. 67]. В целом сумма составляла от 4 до 12 дирхемов, т. е. не больше 1 номисмы с дома [20, с. 97].

Таким образом, единой тенденцией арабского налогообложения начального периода завоеваний было стремление упростить и облегчить процесс налогообложения по сравнению с правлением византийских императоров или персидских шаханшахов. Ибн Абд ал-Хакам сообщает

нам, что византийцы до арабского нашествия собирали двадцать миллионов динар (= 20 млн номисм), тогда как наместник халифа в Египте Амр б. ал-Ас получал от налогообложения лишь двенадцать миллионов динаров [16, с. 179]. Йакуби также сообщает нам, что по сравнению с сасанидским временем доходы от налогообложения упали на одну треть, от 120 до 80 млн драхм [21, с. 173–174]. Армянские источники также свидетельствуют о том, что после падения державы Сасанидов Армения платила налоги трём государствам — Византийской империи, арабскому халифату и хазарскому каганату и что византийская подать была самой тяжёлой [22, с. 156].

Итак, можно сделать первые выводы. Налоговая политика арабов в процессе завоевания новых земель в принципе отличалась от практики налогообложения византийского и персидского государств. Она предполагала небольшую подушную подать, что значительно облегчало бремя налогообложения населения.

К этому надо добавить, что первоначально арабы не вмешивались в вопросы управления и религии, предоставив, таким образом, широкую автономию захваченным землям. Еще первый халиф Абу Бакр приказывал арабским отрядам: «Всякий город и народ, который ваш, заключайте с ним договор, будьте верны в обещаниях им, пусть они живут по своим законам и по установлениям, бывшим у них до нашего времени. Установите подать как границу, которая есть между вами, чтобы оставались они в своей религии и на своей земле» [23, с. 662].

Такие условия вполне подходили для многих христиан. Так, источники христиан Междуречья сообщают, что «с приходом арабов страна в течение пяти лет была подвержена непрерывным лишениям и испытаниям, до тех пор, пока дело арабов не упрочилось. Они потребовали у зиммиев джизью, и те её платили. Они (арабы) обращались с зиммиями милостиво. И утвердились дела по милости Бога Всевышнего, а сердца христиан были довольны правлением арабов» [24, с. 581–582]. Не удивительно, что в таких условиях коренное население многих провинций Византии и Персии не оказывало упорного сопротивления, а иногда и добровольно переходило на сторону арабов. На «честное слово» к арабам перешли Иерусалим и Эдесса, практически не сопротивляясь, капитулировал Египет. В 652 году под патронат халифата добровольно перешла Армения. Следует сказать, что даже византийские императоры понимали, что основной причиной быстрого продвижения арабов была именно их экономическая политика. Так, Ираклий писал Киру Александрийскому: «Вот к тебе пришли двенадцать тысяч арабов. А ведь в Египте такое множество коптов, что и не сосчитать. Но копты не пожелали сражаться, но захотели платить джизью арабам и предпочли их нам» [16, с. 91]. Таким образом, можно сделать вывод, что в первые годы присутствия арабов на завоеванных территориях основные изменения там проходили именно в области налогообложения. Эти изменения были

направлены на ослабление налогового давления. Несомненно, что это был дипломатический шаг, направленный на привлечение на свою сторону симпатий местного населения, и, как показывает история арабских завоеваний, этот шаг был весьма эффективным.

Однако необходимо сказать, что мягкая политика обложения подушной податью была временной и через некоторое время была изменена. Здесь надо особо обратить внимание на сообщение Ибн Абд ал-Хакама, которому, к сожалению, исследователи придавали незаслуженно мало внимания: «Когда 'Амр б. ал-'Ас упрочил власть, он назначил румийцев сборщиками налогов у коптов. Размер налогов мог быть изменен: если селение процветало и его жители умножались, им прибавляли, а если население уменьшалось и селение приходило в упадок, то отбавляли. Старосты селения, господа и главы его жителей собирались и обсуждали процветание и запустение. Если они устанавливали увеличение долей, то отправляли с добавочной этой долей в округа. Потом они собирались с главами селений и распределяли это по возможностям селений согласно площади посевов. Затем каждое селение собиралось по поводу доли его жителей. Они присоединяли их доли к хараджу каждого селения, исходя из того, что в нем есть обработанного и густевшего из земель. Они вычитали из всех земель фелданны, принадлежащие их церквям, баням и паромам, вычитали земли для оказания гостеприимства мусульманам и для постоя властей. Когда кончали с этим, смотрели, сколько в каждом селении ремесленников и наемных работников, и определяли их добавочную долю в соответствии с их возможностями. Если там была и джизья, то ее делили между ними по их возможностям. Но редко когда делили ее между теми, кто был немолод или неженат. Затем они смотрели, какой остался харадж, и разделяли его между собой по количеству земли. Они делили землю между теми, кто хотел обрабатывать ее, по их способности. Если кто-нибудь не справлялся и жаловался на недостаток сил для обработки земли, они распределяли то, что он не мог обработать, между теми, кто мог сделать это. Если кто-нибудь из них просил прибавить [земли], ему давали то, с чем не справились слабые люди, а если те не хотели отдавать, то делили по числу спорящих» [16, с. 171–172].

Из достаточно пространного отрывка следует, что уже при первом арабском наместнике в Египте на местных жителей была возложена коллективная ответственность за сбор налогов. Таким образом, в Египте при халифе Умаре ибн ал-Хаттабе и его наместнике Амре ибн ал-Асе были восстановлены принципы «эпиболы», известной в Византии ещё с начала VI в. К тому же из этого текста следует, что для налогообложения использовались византийские чиновники. Этот факт косвенно подтверждает тезис Э. Антониади-Бибику о «принципе заимствования» налоговых приёмов византийского государства арабскими правителями, по крайней мере, в Египте. Маловероятно, чтобы византийские чиновники были приглашены для работы с не знакомой им системой налогообложения.

Надо добавить, что в это же время в провинциях, принадлежащих ранее сасанидской Персии, вводилась совершенно другая система налогообложения, основанная на принципах, используемых при налогообложении в Сасанидском государстве Хосрова I Ануширвана. Эта система предполагала обложение двумя налогами хараджем (земельный налог) и джизией (подушный налог) [10, с. 195]. Ибн Факих и ибн Хордадбех свидетельствуют, что именно при Омаре ибн ал-Хаттабе бывшие провинции Сасанидского государства были измерены и разделены на специальные хозяйственные единицы площади «джарибы», которые облагались хараджем в зависимости от выращиваемых на них культур. Одновременно с хараджем на население этих земель возлагалась подушная подать (джизия) трёх размеров в зависимости от благосостояния субъекта обложения [25, с. 12–13; 26, с. 59]. К тому же буквально через несколько лет, в 652 г., арабы установили подымное налогообложение Армении. Таким образом, можно видеть, что одновременно на разных территориях захваченных земель арабский халифат установил три абсолютно различные системы налогообложения.

Переход от подушной подати к предшествующим принципам налогообложения на бывших византийских и сасанидских провинциях, вероятно, обусловлен стремлением повысить эффективность и доходность налогообложения. Такой переход осуществлялся, вероятней всего, не в результате одной политической акции, а в зависимости от степени арабского влияния на ту или иную провинцию. Так, в Армении присутствие арабов усилилось лишь в начале VIII в., и поэтому только в 725 г. был отменён подымный налог [22, с. 161]. Использование арабами в бывших византийских провинциях принципов коллективной ответственности населения при налогообложении продолжалось ещё после середины VIII в. [16, с. 173; 19, с. 73]. Необходимо добавить, что вплоть до этого времени в процессе налогообложения арабские правители прибегали к услугам византийских чиновников [27, с. 275, 268, 305, 315].

Таким образом, мы можем рассматривать налоговую политику арабов на завоеванных ими территориях в два этапа. Первый характеризуется снижением налогового гнета и установлением небольшой подушной подати или подымного налога. Эта политика была полностью самостоятельной и никак не была связана с принципами налогообложения, практикуемыми в это время в Византии или в сасанидской Персии. Главным результатом такой политики явилось довольно доброжелательное отношение населения к арабам и, в конце концов, быстрые темпы арабских завоеваний.

Второй этап налоговой политики арабов можно определить как период копирования принципов налогообложения, предшествующих завоеванию. Однако следует отметить, что до арабского завоевания в византийских провинциях налогообложение существенно отличалось от налоговой системы сасанидской Персии, установленной при Каваде I и Хосрое I. Поэтому в результате прямого копирования налоговых принципов арабы

установили в разных частях халифата различные системы налогообложения. В то время как в Египте применялись приёмы коллективной ответственности за всю сумму налогообложения, на захваченных персидских территориях восстанавливался поземельно-подушный налог. Переход от первого этапа ко второму не был везде одновременным и зависел от того, насколько уверенно чувствовали себя арабы на аннексируемых территориях. Так, если в Египте это произошло в начале 40-х годов VII в., то в Армении — в первой половине VIII в. Второй этап длился по крайней мере до второй половины VIII в. и характеризовался участием в налогообложении византийских чиновников.

Литература

1. Васильев А. А. История Византийской империи: Время до Крестовых походов. — СПб., 1998.
2. Успенский Ф. И. История Византийской империи. — М., 1996.
3. Диль Ш. История Византийской империи. — М., 1948.
4. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. — М., 1984.
5. Lewis A. Naval Power and Trade in the Mediterranean A. D. 500–1100. — Princeton, 1951.
6. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения за время Аморийской династии. — СПб., 1900.
7. Vryonis Sp. Byzantine circus factions and Islamic futuwwa organizations. // Byzantinische Zeitschrift. — 1965. — Bd. 58. — Hf. 1.
8. Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre. La politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII–XV siècles. — Paris, 1965.
9. Пигулевская Н. В. Византия и Восток // Палестинский сборник. — 1971. — Вып. 23.
10. Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). — М., 1982.
11. Лукошин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. — М., 1987.
12. Большаков О. Г. История Халифата. — Т. 2. — М., 1993.
13. Массэ А. Ислам. — М., 1961.
14. Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les douanes a Byzance. — Paris, 1963.
15. Монтегомери У. Влияние ислама на средневековую Европу. — М., 1996.
16. Абд ар-Рахман ибн 'Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магрибаи ал-Андалуса. — М., 1985.
17. Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. — М., 1988.
18. Себеос. История епископа Себеоса. — Ереван, 1939.
19. Киракос Гандзакец. История Армении. — М., 1976.
20. Мелик-Бахшян. Ст. Павликианское движение в Армении. — Ереван, 1955.
21. Якуби. История. — Баку, 1927.
22. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. — Ереван, 1984.

23. Из Анонимной сирийской хроники 1234 г. // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000.
24. *Barheb-raeus*. *Chronicon Ecclesiasticum* // *Patrologia Orientalis*. — P., 1919. — Т. 13.
25. Цкитишвили О. В. Раннесредневековый Багдад. — Тбилиси, 1986.
26. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. — Баку, 1986.
27. Летопись византийца Феофана. — М., 1884.

Резюме

Стаття присвячена першим крокам податкової політики арабів у завойованих ними візантійських провінціях. Автор спробував розглянути поетапну схему оподаткування арабами земель і мешканців захоплених територій Візантії. У статті робиться акцент на порівняльній характеристиці візантійської податкової системи та принципів оподаткування, введених арабськими халіфами. Наново розглядається роль цих принципів в успішній наступальній політиці арабських військ у процесі завоювання нових земель.

Summary

The article is dedicated to the first steps of the Arabs' taxation policy at the conquered Byzantine provinces. The author tried to consider consecutive taxation system of the inhabitants and the lands captured by Arabs. It is accentuated the comparative description between Byzantine taxation and the tax principles established by Arabian califs at VII century. The author considered the importance of these principles at successful expansionist policy of the Arabian armies.

Ю. А. Голубкин

МАРТИН ЛЮТЕР И РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕССЫ

В древней Христианской Церкви богослужение называлось по-разному: «преломление хлеба», «Вечеря Господня», «евхаристия», «собрание». Но чаще всего употреблялось греческое слово «литургия». В конце IV в. в западном христианстве, которое перешло к отправлению богослужения на латинском языке, это наименование стало вытесняться словом «месса» (от позднелатинского «missa», означавшего «освобождение», «уход», «проводы»). Это слово звучало в богослужении в нескольких значениях: как возвешение об его окончании («Ite missa est»); как наименование заключительного благословения; как любое благословение (с конца IV в.) [1, стб. 887–888].

В средние века месса была центром всей религиозной жизни Римско-Католической Церкви. С одной стороны, священнодействия, которые осуществлялись в ритуально установленных формах, представляли собой поклонение божеству, с другой — они освящали всю жизнь чело-

века, придавали ей выходящий за грань повседневности высший смысл, с третьей — вселяли в душу верующего и поддерживали в ней упование на жизнь вечную, с четвертой — способствовали сплочению членов религиозного сообщества. Богослужение было неразрывно связано с верованием. Поэтому совсем не случайно во времена религиозных кризисов средневековья критика отдельных сторон верования, с которой выступали некоторые харизматические личности, зачастую приводила к тому, что гнев народных масс, обладавших лишь самыми элементарными познаниями в области догматики, находил свое выражение в сокрушении старых идолов, т. е. в ниспровержении традиционного культа.

Особую остроту борьба против римско-католического богослужения приобрела в эпоху Реформации. В значительной степени эта борьба была инициирована выдающимся немецким реформатором Мартином Лютером. Реформирование римско-католической мессы было важной составной частью его программы возрождения Христианской Церкви. Попытке рассмотрения вклада Лютера в разработку главных принципов основанного на Евангелии протестантского богослужения и посвящена настоящая статья.

В средние века и в эпоху Ранней новой истории, когда общество еще не было затронуто процессом секуляризации и когда центром его духовной жизни было эсхатологически ориентированное мировосприятие, вопрос о том, как заслужить милость Божию, приобретал первостепенное значение не только для теологов и служителей Церкви, а и для всех их современников. До Реформации западные христиане, следуя предписаниям Римско-Католической Церкви, стремились обрести небесное блаженство путем неукоснительного соблюдения всех ее обрядов и свершения бесчисленного множества «добрых дел». Реформация коренным образом разрушила все прежние представления о путях спасения. Учение Лютера об оправдании верой не только ниспровергло прежние, казалось бы, незыблемые авторитеты, не только разрушало представления о божественности канонического права и богоустановленности большинства римско-католических Таинств, но и убеждало многих христиан в том, что римско-католический культ — это не что иное, как лжекульт, отправление которого влечет за собой не милость, а гнев Божий и вечную гибель тех, кто слепо придерживается его.

Расхождения Лютера с римско-католическим порядком богослужения были сформулированы им в ряде сочинений 1520 г.: прежде всего, в «Проповеди о Новом Завете относительно святой мессы» [2] и в произведении «О вавилонском пленении Церкви» [3]. Лютер ополчился против истолкования Римско-Католической Церковью мессы как «доброе дело» и жертвы. Он считал страшным заблуждением учение о том, что Христос своей мученической смертью искупил лишь первородный грех и учредил мессу как возносимую священником жертву за другие грехи, жертву за живых и мертвых для убогаторения Бога, в результате чего возникло множество месс, которые отправлялись за деньги. За-